

ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ МОТИВЫ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ*

Аннотация. В статье анализируются центральные мотивы двух первых сборников Марины Цветаевой «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь». Русский и европейский фольклор, литературные произведения, любовь к которым привила юному поэту мать с раннего детства, оказали огромное влияние на формирование поэтического мировоззрения Цветаевой.

Ключевые слова: книги, фольклор, детство, мотив, ранняя лирика.

В своих «Воспоминаниях» [4] Анастасия Цветаева во множестве обрывочных фактов, воедино связанных лишь ее несомненным талантом, раскрывает мир «детского житья» своего и сестры Марины, в котором реальность биографическая так тесно и удивительно переплетается с реальностью иной – литературной – и выходит, что множество первых ярчайших воспоминаний юным сестрам давали вовсе не события повседневности, а волшебный мир книг и музыки, который открыт им был с самого детства.

Важно отметить, что литературные мотивы занимают важное место в ранних текстах Цветаевой, хотя останутся образы (Дон Жуан, Кармен), взятые ею из книг, к которым Цветаева будет возвращаться в разные периоды творчества. Что же касается фольклорных мотивов, то интерес к ним в полной мере возникнет у Цветаевой в 20-е годы. В этот период Цветаева напишет поэмы «Царь-Девица» (1920 г.) и «Молодец» (1924 г.).

Конечно, что может быть ожидаемое, чем привычка к книгам с юных лет в семье двух столь образованных и увлеченных искусством людей, как Мария Александровна Мейн и Иван Владимирович Цветаев. Во многом это действительно так: от отца, знаменитого филолога-классика, сестрам досталась любовь к античности, от матери, талантливой, но несостоявшейся пианистки, – к музыке и европейской культуре, от обоих – к литературе и труду.

Литературный мир сестер Цветаевых огромен, он вне временных эпох и территориальных границ, что нашло отражение в творчестве Марины: в нем древнегреческие мифы

сосуществуют со сказками Гофмана, а народные предания с английскими романами.

Знавшая несколько языков, Мария Мейн, будучи натурой впечатлительной по сути своей и, кажется, весьма романтической, рано познакомилась дочерей с книгами. В семье было заведено чтение вслух: вечерами, о чем вспоминает Анастасия, мать «приходила наверх (в детскую) читать какую-нибудь любимую книгу» [4, с. 122], и сестры тут же бросались усаживать ее на уложенный подушками и одеялами стул, или читали в комнате матери, на диване под шубой.

Сам процесс чтения – некое священнодействие, хотя сестры очень по-разному воспринимали книги. Французские романы захватывали мать и Марину. Некоторые книги, как дорогое вино, «отстаивались», ждали своего часа. Эту культуру мать передала детям, о чем тоже вспоминает Анастасия: «О другом английском романе мама говорила: «Вырастете, будете читать «Джен Эйр» [4, с. 122] – и уже начиналось предвкушение знакомства с еще одним новым и прекрасным миром выдумки, словно бы каждая книга – дверь в волшебную страну, в которой рыцари благородны, злодеи всегда побеждены, а любовь непременно счастливая. В волшебной стране чужой выдумки Мария Мейн всегда искала спасения от своей несчастливой судьбы:

*...Сдавленный шепот... Сверканье кинжала.
– «Мама, построй мне из кубиков домик!»
Мама взволнованно к сердцу прижала
Маленький томик.*

*... Гневом глаза загорелись у графа:
«Здесь я, княгиня, по благодати рока!»
– «Мама, а в море не тонет жирафа?»
Мама душою – далеко!
(1, с. 46).*

Юная Марина росла, окруженная литературными героями, иногда они становились ближе живых людей, и потому жажда получить книгу оправдывает все, даже нарушение наказа строгой матери, как-то: проникновение в Лёрин (сводной сестры Валерии) книжный шкаф, скрывание заветного тома, принесенного из гимназии, от Аси.

* © Кирьянова Е.Н.

В раннем детстве сестрам читали литературу волшебную: «зловеще колдовского» «Щелкунчика» Гофмана, вообще Гофмана читали много, и Андерсена с его «Русалочкой» и «Снежной королевой». С Маленькой разбойницей, по воспоминаниям сестры, было у Марины «некое панибратство, узnavание себя в другом...» [4, с. 125]. Можно утверждать, что на формирование мировоззрения Цветаевой оказал большое влияние русский и западноевропейский фольклор, то есть сказка как таковая, какой бы вид она ни принимала, в какой бы жанр ни облакалась.

В первом сборнике стихов «Вечерний альбом» Цветаева создает образ любимого ею дома в Трехпрудном переулке, представляя его местом совершенно волшебным. Выдающийся русский исследователь В. Пропп в своей работе «Исторические корни волшебной сказки» [5] вписывает дом в общее мифологическое пространство, в рамках которого дом противостоит чужому пространству леса, другого царства – мира взрослой жизни, которого юные хозяйки, названные «царевнами», боятся, потому что в нем разрушается сказка.

*Был заповедными соснами
В темном бору вековом
Прежде наш домик любимый...*
(1, с. 172).

Цветаева обращается к дому то как к «розовому домику», то как к «избушке», то как к «терему», но все это разные лики одного, навеки любимого дома.

Так коротко это счастье детства, так хрупко, и оба первых сборника чаще всего рисуют картины сиюминутные, ловят мгновенные впечатления, которые никогда не повторятся, словно специально стремясь сохранить их в памяти. В стихотворении «Сказочный Шварцвальд» «хижина-игрушка» собственно волшебный дом из «царства доброй полумглы» становится тоже хранителем памяти.

*На поляне хижина-игрушка
Мирно спит под шепчущий ручей...*
(1, с. 44).

Старушка сказочница, обитающая в хижине, готова открыть любопытному все волшебные тайны.

*Если добр и ласков ты, как дети,
Если мил тебе и луч, и куст,
Все, что встарь случилось на свете,*

Ты узнаешь из столетних уст.
(1, с. 41).

Чем менее гостеприимен был реальный дом детства Цветаевой, тем более уютным и светлым делает она поэтический образ этого дома и тем пронзительнее боль от его утраты.

*Меж великанов-соседей, как гномик
Он удивлялся всему.
Маленький розовый домик,
Чем он мешал и кому?*
(1, с. 145).

В нем с наступлением сумерек начинается волшебство, в нем обитают феи, он – воплощение детских грез, этот розовый (цвета мечты) домик, однако каждая строфа стихотворения, оканчивающаяся вопросом («Чем он мешал и кому? Чем ты смутил и кого?»), напоминает о том, как зыбки грезы и как недолговечен мир этого розового детства. Мотив разрушения, окончания счастья неизменно соседствует рядом с самыми радостными образами. Если обратиться к фольклорным произведениям, то легко заметить, что счастье и горе в них всегда рядом, то есть Цветаева черпает из фольклора не только образ, но и сам принцип, который позже в полной мере реализуется в произведениях зрелой лирики.

Марина начала читать с четырех лет, не это ли стремление поскорее узнать, что там дальше, не дожидаясь вечера, подтолкнуло ее впитывать буквы так же жадно, как музыку, которой учила мать. Вместе с тем уже тогда через книги и изучение языков маленькая Марина усваивала сам дух литературы, и потому для нее своей и чужой литературы нет, есть общее и главное – книга. Полны удивительной чуткости стихотворения первых двух сборников «Вечерний альбом» (1911 г.) и «Волшебный фонарь» (1912 г.), которые раскрывают этот процесс чтения:

*Мы в траве уселись, молчаливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.*

Едва начинается чтение, как весь мир обесцвечивался: подлинная жизнь и красота были только в книгах.

*Ульрих – мой герой, а Георг – Асин,
Каждый доблестью пленить сумел:
Герцог Ульрих так светло-несчастен,
Рыцарь Георг так влюбленно-смел!*

*Словно песня – милый голос мамы,
Волшебство творят ее уста.*
(1, с. 42).

Выбор героев сестрами не случаен: эта романтическая грусть – от матери – пройдет с Мариной через все ее творчество. От того, возможно, так много в лирике Цветаевой будет игры, творчески переосмысленных образов героев пережитых ею книг. Да, именно пережитых. Чтение как переживание, бесспорно, есть высшая форма чтения, это уже *сотворчество*. Так, в ее стихах возникнет образ Кармен и Дон Жуана, Манон Леско и кавалера де Гриэ, но это позже, а в ранних сборниках – Чародей, Колдун и Потомок шведских королей с трагической судьбой и отравляющей жизнь гордыней. Образы литературных персонажей Тирсо де Молина, Дж. Байрона, аббата Прево, из средневековой «Песни о Роланде» и проч., но переосмысленные и перевоссозданные в собственной поэтической реальности, иногда до того захватывают лирическую героиню, что уже трудно становится разобрать в куртуазной игре, где гордый принц, а где лирический герой, Манон, а где Марина:

*Долг и честь. Кавалер, – условность.
Дай Вам Бог целый полк любовниц!
Изъявляя при сем готовность...
Страстно любящая Вас
– М.*

(1, с. 383).

*О, вы, кому всего милей
Победоносные аккорды, –
Падите ниц! Пред вами гордый
Потомок шведских королей.
(1, с. 71).*

Эта черта романтизировать действительность проявлялась не только в творчестве, но и в обычной жизни. Чего стоят бесконечные сказочные прозвища, которыми юная Марина награждала знакомых. Так, Л.А. Тамбурер, зубной врач сестер, получила прозвище Драконна.

Усваивая европейскую культуру с детства, в лирике Цветаева воссоздает колорит прочитанных книг, так ее героини становятся не бестелесными выдумками, а действительными жизненными переживаниями. Круг этих детских книг с возрастом читательницы меняется, переходя от сказок к литературе о ровесниках, таких же детях, но с нелегкой судьбой:

*– О, почему среди красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!
(1, с. 44).*

С появлением в доме новой гувернантки, русской немки, которую дети окрестили ласковым прозвищем *Киска*, приходит знакомство с другой литературой. Гувернантка имела современные убеждения – против царя, против монархии, за страдающий народ, она много говорит о Некрасове, Лермонтове, Пушкине – так начинается заболевание стихами Пушкина, вольнолюбивыми, сильными, такими созвучными душе самой Марины. Имея музыкальную одаренность, тонко чувствуя ритм, с ранней юности Цветаева тянется к поэзии всем своим существом, но никогда никакой подражательности в ее стихах нет: взращенная на благодатной почве искусства она выросла самобытным поэтом. В свое время оказываются в ее руках и стихи современных – уже легендарных – поэтов, как А. Блок и Н. Гумилев, приходит время для сказок Соловьева, таких созвучных гофмановским образам, впечатлениям ее детства.

*О, эта молодость земная!
Все так старо – и все так ново!
У приоткрытого окна я
Читаю сказки Соловьева.
(1, с. 77).*

Отвечая на вопросы в небольшой анкете, присланной Б. Пастернаком перед публикацией ее стихов, о книгах Марина Цветаева написала: «Любимые книги в мире, те, с которыми сожгут: «Нибелунги», «Илиада», «Слово о полку Игореве» [3, с. 7].

В этом выборе вся она, с этим удивительным чувством собственности в пространстве вседоступного, ноощуцаемого ея как личное – с этим глубинным пониманием эстетики и искусства в их первоизданном бесспорном значении.

Знакомство ее с Пушкиным, начатое в самом раннем детстве с первыми книгами, по рассказам матери, было не просто знакомство читателя с поэтом, даже со *своим* поэтом – нет, это было снова *переживание*, но такое, от которого она уже не отрекалась. В эссе «Мой Пушкин» Цветаева вспомнит страстный рассказ матери: «<...> Нет, нет, ты только представь себе! Смертельно раненный, в снегу, а не отказался от выстрела! – тоном такого восхищения, каким ей, христианке, естественно бы: - Смертельно раненный, в крови, а простил врагу! Отшвырнул пистолет <...> не подозревая, какой урок <...> страсти – на всю жизнь дает четырехлетней, еле грамотной мне. <...> Пушкин был мой первый поэт, и моего первого поэта – убили. С тех пор, да, с

тех пор, как Пушкина на моих глазах на картине Наумова – убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали все мое младенчество, детство, юность – я поделила мир на поэта – и всех, и выбрала – поэта...» [2]. Так родился мир Цветаевой, мир поэта контрастов, поэта крайностей, певца большой любви и большой трагедии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Цветаева М.И. Собр. соч.: в 7 т./ сост. А. Саакянц и Л. Мухин. – М., 1994, Т.1;
2. Цветаева М.И. Мой Пушкин. Собр. соч.: в 7 т./ сост. А. Саакянц и Л. Мухин. – М., 1994. – Т. 5;
3. Цветаева М.И. Любви старинные туманы: стихотворения 1911-1921 гг. Ред.-сост. И.А. Курамжина. – М., 1996.
4. Цветаева А.И. Воспоминания. В 2. т. – М., 2008. –

Т. 1.

5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М., 2008.

E. Kirianova

FOLKLORE AND LITERARY MOTIVES IN THE TSVETAEVA'S EARLY LYRIC POETRY

Abstract. The central motives of the two first Tsvetaeva's collections "Evening album", "Magic light" are analyzed in the article. The young poets mother instilled love to Russian and European folklore and other literary works and those ones influenced the formation of the poetic view of Tsvetaeva.

Key words: motive, early lyric poetry, childhood, books, folklore.

УДК: 830 (73)

Коновалова Ж.Г.

ПУРИТАНСКИЙ КОМПОНЕНТ «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ»*

Аннотация: В статье «Пуританский компонент «американской мечты» анализируются основные составляющие «американской мечты, акцентируется внимание на главенствующей роли пуританских идей в формировании таких составляющих феномена «американской мечты», как идею предначертанности, богоизбранности и особой миссии Америки в мире, американского индивидуализма и «новых начинаний».

Ключевые слова: «американская мечта», пуританский компонент, предначертанность, богоизбранность, особая миссия США в мире.

Говоря о зарождении американского государства и американской нации, а также формировании «американской мечты», многие исследователи подчеркивают главенствующую роль пуританских идей. Среди них С. Беркович, который пишет, что пуританские идеи оказали значительное воздействие на формирование «американскости»: «колониальный пуританский миф объединил самоутверждение индивида и общества и тем самым поддержал идею особого американского пути» [5, 19], Л. Гринфилд, которая отмечает, что «важную роль в становлении американского национального сознания сыграл религиозный фактор» [5, 20], Дж. Хайем, ко-

торый «возводит идеологическую общность американцев к пуританству» [5, 20], Т.Г. Голленпольский и В.П. Шестаков, которые считают, что «присущий отцам-пилигримам религиозный оптимизм... и служил той идейной основой, на которой формировалось духовное лицо Америки» [2, 18]. Однако, признавая основополагающую роль пуритан, исследователи по-разному оценивают влияние, которое отцы-пилигримы оказывали на страну, средства и последствия достижения тех целей, которые они перед собой ставили.

Большинство пуритан изначально стали переселяться в Америку в поисках свободы вероисповедания. Сложно не согласиться с Дж. Каленом, который пишет, что «...первая великая американская мечта – мечта маленьких групп английских религиозных сектантов, которые пересекли океан в поисках возможности поклоняться Господу так, как считали правильным» [8, 8]. Однако не все исследователи согласны с подобной точкой зрения. Д. Бурстин, например, настаивает на том, что основной причиной переселения была не религиозная, а, скорее, социальная. Пуританам в Америке, по его мнению, гораздо важнее было «утвердить свой общественный порядок... нежели избежать преследований за убеждения» [1, 47]. Того же мнения придерживается и Б. Перри, который пишет, что «их доктрина не была религиозной, но со-

* © Коновалова Ж.Г.